Ключ от Заточения

Ксения Косая

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ксения Косая

Ключ от заточения

«Автор»
2026

Косая К.

Ключ от заточения / К. Косая — «Автор», 2026

Девушка из бедной деревни не ожидала наткнуться на того, кто когда-то уничтожал поселения людей, дабы человечество исчезло с лица земли. Демон, презирающий расу людей, был заточён на несколько веков в темнице. Девушка не смогла сдержать любопытство и стала чаще его навещать. Спустя долгое общение, оба привязались друг к другу, но случилась одна неожиданность. Темница открылась и теперь демон свободен. Однако, он больше не желал истреблять всех людей до последнего, а лишь тех, кого считал недостойными. И начал он с деревни главной героини, которая уже успела пожалеть, что вообще связалась с ним. Удастся ли ей отговорить его убивать людей, которых она так любит? Сможет ли она разбудить в нём добро или в демоне снова проснётся монстр, жаждущий крови?

© Косая К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 25
Глава 7 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Ксения Косая
Ключ от заточения

Глава 1

Дисклеймер: данная книга содержит депрессивный характер/ эмоциональные переживания персонажей/ описание человеческих страданий/ тяжёлые утраты/ жестокость и насилие/ ненормативную лексику. Читайте на свой страх и риск.

Он вернулся. Он снова здесь. Жители деревни запираются в домах, трепеща от страха быть замеченными, от страха навлечь беду. Они не знают, кто он, чего хочет, и зачем ему превращать их скудную жизнь в ещё больший кошмар. Может, кто-то наложил на деревню проклятие? Или Всевышний сильно разгневался на людей? За что такое наказание? Как положить этому конец?

В монументальном зале совета, где каждый камень и каждое древесное волокно казались свидетелями бесчисленных собраний, Староста предстал пред своими советниками. Атмосфера была пропитана напряжением, поскольку вновь встал вопрос, не дававший покоя всей деревне уже долгие недели: возможно ли избавление от неведомого существа?

— Так долго продолжаться не может, — произнес Староста, тяжело опираясь руками о край длинного, полированного дубового стола, за которым собралось семеро человек. — Слишком много потерь за такое короткое время. Все вокруг напуганы, никто больше не хочет идти в бой, а запасы все на исходе. Пора узнать его условия.

— Узнать условия? — фыркнул Харон, один из советников. Высокий, темноволосый юноша с небрежной щетиной, годами службы заслуживший доверие Старосты и почётный титул его «правой руки». Он резко откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди, и в его карих глазах вспыхнул знакомый огонёк упрямого несогласия. — Думаешь, эта тварь чегото потребует? Он просто хочет помучить нас и истребить.

— Надо пробовать договариваться. Он — разумное существо, как и мы, так что найдём общий язык.

— Навряд ли... Особенно, после того, как мы пытались его убить, — усмехнулся Харон. — Думаешь Тёмный так просто пойдёт на контакт?

— Должен. Он появился здесь неспроста. Раз мы не можем дать отпор, давайте что-то предлагать, — изрёк Староста, бросая на каждого советника взгляд.

Всем, кто сидел за этим столом, было примерно по двадцать-двадцать пять лет. Все были, уставшими, истощёнными, но достаточно крепкими, чтобы бороться за жизнь. Многие имели жён и детей, о которых думали каждую минуту, взвешивая каждое решение: от их слов сейчас зависела не только их собственная жизнь, но и судьба близких.

Староста от них отличался. Главное отличие, что он был младше всех – восемнадцать лет. Казалось бы, юность должна быть синонимом неопытности и безрассудства, но в нем, восемнадцатилетнем юноше, таилась мудрость, рожденная тяжелым бременем ответственности. С пяти лет он нес на своих плечах судьбу своего народа, вбирая в себя уроки долга, передаваемые из поколения в поколение — от отца к сыну, от деда к внуку, от прапрадеда к потомку. Его плечи, хоть и узкие, держались прямо, а спина никогда не сгибалась под тяжестью обязанностей. Его глаза, глубокие и внимательные, цвета тёмного мёда, видели больше, чем могли увидеть его ровесники. В них читалась недетская проницательность, умение разглядеть суть за внешними проявлениями. Каждое слово, каждый жест были выверены годами практики: он знал цену поспешным решениям и необдуманным словам. Даже сейчас, когда вокруг царили

страх и неуверенность, его голос не дрожал, а взгляд оставался твёрдым — словно он уже видел путь там, где остальные видели лишь тупик.

— А что мы можем предложить? — вступил в разговор ещё один. — Золота нет, серебра нет, всё добро спалил. Что мы ему предложим?

— Что он попросит, то и предложим, — отрезал Староста, сжимая пальцами край стола так сильно, что побелели костяшки.

— Хорошо, и как мы будем вести с ним переговоры? — озадачил всех Харон, откинувшись на спинку стула.

Пару секунд тишины и один из членов совета подал голос:

— Есть пара вариантов…

На следующий день неподалёку от деревни, на открытой местности, где трава была выжжена до коричневой щетины, в землю был вбит большой щит из самого крепкого дерева, какое только было. Его светлую поверхность покрыли черной краской, чтобы он выделялся на фоне выцветшей земли. В верхней части печатными буквами, выжженными раскалённым железом, расположилась надпись с просьбой огласить условия мирной жизни.

Идея многим показалась сомнительной, ввиду того, что даже не все в деревне умели читать и писать, так с чего Тёмный должен? И потом, он мог просто не заметить, и даже не узнать, что ему оставили послание.

Пару раз в день щит проверялся на наличие изменений — обычно это делали по двое человек, чтобы никто не оставался один на открытой местности. Они подходили осторожно, держа оружие наготове, вглядывались в поверхность щита, искали хоть какието следы: новые знаки, царапины, символы. И каждый раз ничего не было. День проходил за днём, а ответа всё не следовало. Это пугало, ведь чем дольше ждёшь, тем страшнее узнать ответ. Ожидание стало длиться больше двух долгих недель, от чего многим стало казаться, что Тёмный просто ушёл.

Но на самом деле он всё ещё был рядом. Он всё ещё был там, и просто раздумывал над ответом.

Среди жителей велись суетливые разговоры. Трое женских особ стояли посреди тропы и шушукались между собой, опасливо оглядываясь по сторонам.

— Тая, ты слышала? Они хотят с ним поговорить, — уставшим голосом проговорила одна, нервно теребя край платка.

— Что? — к горлу Таи тут же подступил ком.

— Не напрямую, слава богу…

— А как?! — тело юной девушки пробрало на дрожь, а голубые глаза наполнились страхом. — Как они с ним поговорят?

Женщина по имени Анабель посмотрела с недоумением:

— Ты чего так всполошились? Сказала же, не напрямую. Никто к этому монстру не подойдёт - страшно и опасно. Староста придумал поставить какую-то корягу и написать на ней надпись.

— Что такое «надпись»? — спросила вторая юная девушка — Ева, имеющая каштановые волосы, карие глаза и худое ослабленное тело.

— Ну, это когда буквы из книг складывают вместе и получается… Надпись, — попыталась объяснить Анабель, сомневаясь в правдивости своих слов.

Ева ничего не поняла.

— И это сработает?

— Не знаю. Не факт, что Тёмный вообще понимает наш язык.

— Хоть бы понял и ответил. Я больше так не могу, — простонала Ева. — Казалось, мы только начали нормально жить, а теперь пытаемся не умереть.

— Да, судьба послала нам испытание, в очередной раз, — вздохнула Анабель, поправляя шерстяную накидку на голове. — Но скоро приедут торговцы, и нужно собрать все безделушки,

что у нас остались, и обменять на корку хлеба. — В её глазах на мгновение вспыхнули отблески давних воспоминаний — о тех временах, когда на ярмарке можно было не только продавать, но и покупать, когда в доме пахло свежеиспечённым хлебом, а дети не считали каждую крошку.

Люди работали от зари до зари: ктото на самого себя — возделывал крошечный надел земли, выращивал репу и ячмень, разводил кур и свиней; ктото нанимался к более зажиточным соседям — пахал, косил, чинил изгороди за плату. В их деревню, приезжали различные путники погостить: странники с удивительными историями о дальних землях и чудесах за морями, ремесленники, демонстрирующие свои изделия — кованые подсвечники, резные шкатулки, гончарную посуду; и, конечно, торговцы. Они разбивали палатки на центральной площади, раскладывали товар: яркие ткани из дальних краёв, изящную посуду, разнообразные украшения, редкие специи, заморские сладости и другие продукты питания, от запаха которых кружилась голова.

Дети бегали между прилавками, заворожённо разглядывая диковинки; их глаза горели желанием получить хоть какуюто безделушку. Женщины оживлённо обсуждали новинки, оценивали качество тканей и посуды, прикидывали, хватит ли вырученных от продажи яиц денег на шёлковую ленту. Мужчины приобретали что-то для охоты, рыбалки или что-то для удобной колки дров.

Деревня, унылая и мрачная ещё несколько лет назад, вдруг начала процветать. Люди стали покупать себе больше красивых вещей, отстраивать свои устаревшие дома из кривых брёвен, заменять прогнившие двери, стеклить окна слюдой вместо бычьего пузыря. Появились новые мастерские — кузнечная, гончарная, ткацкая; даже местная таверна, прежде вмещавшая десяток человек, расширилась, принимая всё больше гостей. По вечерам там звучали песни под аккомпанемент лютни, а запах жареного мяса разносился по всей округе.

Теперь всё снова перевернулось с ног на голову. Голодные времена пришли неожиданно. Роскошные украшения, старинные вазы, статуэтки, дорогие ткани — всё это приходилось продавать обратно, чтобы купить самое необходимое: муку, соль и лекарства.

Евангелина не могла припомнить ничего ценного у себя в доме, что можно было бы предложить торговцам.

— Тая, у тебя больше не осталось тех дорогих камней? — спросила Ева подругу.

— Нет.

— Может, поискать ещё? Покажи ещё раз место, где ты их нашла.

— Вы там уже всё посмотрели, — тихо ответила Тая. — Там больше ничего нет.

— Посмотрим ещё, — упрямо повторила Ева. — Нужны деньги… — внезапно её голос оборвался. Она пошатнулась, перед глазами заплясали тёмные пятна. Мир вокруг начал расплываться, звуки стали глухими, будто доносились издалека. С закатившимися глазами Ева стала падать, но её спасли две пары рук: Тая и подоспевшая Анабель подхватили её и аккуратно уложили на холодную землю, покрытую сухими травинками.

— Боже, Ева, что с тобой? — спросила женщина. — Почему ты такая бледная?

— Ева, ты когда ела последний раз? — придерживала ей голову Тайлира.

— Позавчера… — с трудом выговорила девушка и приподнялась на локтях, её голос был едва слышен. — У нас всё закончилось. Последний хлеб я отдала маме.

Тая застыла, почувствовав, как внутри всё сжалось от услышанного последнего слова. «Мама» — это слово ударило по сердцу, напомнив ей о недавних печальных событиях: о пустом доме, о слезах, о том, как Тая осталась совсем одна. Девушка сглотнула ком в горле и уставилась на подругу. Карие глаза Евы тоже уставились на неё, и Тая не смогла вынести угасающую в них жизнь.

— Тётя Анабель, помогите перенести её ко мне.

Дом Тайлиры был буквально позади них - достаточно сделать несколько шагов, чтобы оказаться у порога. Двухэтажный, сложенный из светлых брёвен, он когдато выглядел настоя-

щим украшением улицы: солнечные лучи отражались от гладко оструганных досок, придавая дому почти праздничный вид. Но время и тяжёлые времена оставили свой след. Между брёвнами коегде проглядывала потемневшая пакля, а в углах фасада скопилась паутина, которую никто не решался убрать — сил хватало лишь на самое необходимое.

Большие окна с резными наличниками теперь выглядели чуть уныло, некоторые завитки орнамента стёрлись почти до неузнаваемости. Стекло в рамах слегка помутнело от пыли и долгого отсутствия ухода, но всё ещё пропускало достаточно света, чтобы в комнатах не царила вечная полутьма.

К входной двери вели пять широких ступеней из толстых досок. Одна из ступеней слегка прогнила и предательски поскрипывала при каждом шаге, напоминая о том, что даже крепкие вещи со временем теряют силу.

Дом окружал невысокий деревянный забор с витыми столбиками. Между досками забора пробивались сорняки, а в одном месте планка слегка покосилась.

Внутреннее убранство выглядело лучше, чем снаружи, но комнаты казались пустыми и просторными — слишком просторными. Тая давно пустила на дрова большую часть мебели: массивный дубовый стол, тяжёлые стулья с высокими спинками, комоды, шкафы, сундуки, шкатулки. Остались лишь самые необходимые вещи: диван у окна, небольшой столик у стены да пара табуретов и скамья. На стенах ещё виднелись светлые пятна там, где раньше висели гобелены и портрет когда-то красивой и когда-то счастливой Тайлиры.

Внутри Еву аккуратно уложили на диван, Анабель подала ей стакан воды из фарфорового кувшина, стоявшего на столике. Вода была прохладной, с едва уловимым металлическим привкусом — из местного колодца. Ева сделала несколько жадных глотков, её руки дрожали, а пальцы оставляли влажные следы на грубой поверхности стекла.

Попрощавшись с Анабель, Тая проводила её до двери, задержавшись на мгновение на пороге. Женщина мягко сжала её плечо и шепнула:

— Оставляю её на тебя, — а затем тихо вышла, оставив подруг наедине.

Тая вернулась к дивану, подошла к полке в углу комнаты и достала глиняное блюдце с малиной. Ягоды, собранные ещё в начале лета и благополучно засушенные. Они выглядели почти нереальными в эти голодные дни.

— Ев, открой рот, я тебя покормлю, — мягко сказала Тая, беря одну ягоду пальцами.

— Где ты их взяла? — удивлённо спросила Ева, её глаза расширились.

— Это… старый запас.

— Мы же всё до последнего отдали Старосте, — посмотрела с сомнением девушка. — И потом всё сжёг Тёмный…

Тая, не в силах сказать правду, стала думать над ответом, но в голову ничего не приходило.

— Ты утаила их? — внезапно спросила подруга. И этот вопрос сильно облегчил задачу. Тайлире непривычно называть себя пронырой, обманщицей или кем-либо ещё в таком роде, но этого требовала ситуация, поэтому она просто сказала:

— Да.

— Тебя же могут приговорить к столбу.

— Знаю. Пусть это будет между нами, хорошо? — сжала ладонь девушки и многозначительно посмотрела ей в глаза.

— Хорошо.

*__Тайлира, Тая, Таюша__ - имя одной из главных героев.*__Харон__ - имя произносится с ударением на букву "А".

Глава 2

В маленькой мастерской, пристроенной к дому, царил привычный беспорядок: куски ткани валялись на полу, катушки ниток были разбросаны по столу, а на подоконнике громоздились корзины с лоскутами. Солнечный свет пробивался сквозь пыльное окно, рисуя на деревянном полу золотистые квадраты. Игла в руках Таи мелькала с бешеной скоростью — она стала единственной портнихой на всю деревню после того, как остальные либо погибли, либо покинули эти места. С наступлением осени многие заметили, что теплая одежда нуждается в ремонте, а кому-то и вовсе её не хватает. Тая любезно согласилась помочь всем нуждающимся, без оплаты, руководствуясь взаимопомощью.

Ближе к вечеру, когда солнечные лучи ещё не окрасили небо в багряные тона, Тая собралась на улицу - нужно было отнести подштопанную шаль своей пожилой соседке Ли. Она аккуратно сложила шаль в плетёную корзину и отправилась к ней.

Тропинка к дому Ли петляла между покосившимися заборами и заросшими огородами. Тая шла медленно, вдыхая запах влажной земли и увядающих цветов. Дом Ли, в отличии от других, маленький и ветхий. Его стены, обшитые потемневшими досками, прогнили в нескольких местах, а крыша местами прохудилась — сквозь щели виднелась солома, коегде уже тронутая плесенью. Возле крыльца валялись старые прялки и корзинки, а на верёвке, протянутой между столбиками, висели выцветшие тряпицы.

Многих удивляло, как такая «безногая» и одинокая старушка умудрилась дожить до своих лет. Не имея ни детей, ни сиделок, она сама передвигалась по дому на самодельных костылях, готовила еду на закопчённой печке и даже работала пряхой. С Таей у неё всегда были теплые отношения, и кроме того они часто оказывали друг другу услуги: старушка пряла нитки, а Тая зашивала порвавшуюся ткань.

— Спасибо тебе, деточка, — прошептала Ли, принимая шаль дрожащими руками. Её глаза, выцветшие от возраста, но всё ещё живые, наполнились благодарностью. Старушка, не вставая с кровати, запустила руку под подушку, достала серый мешочек и высыпала себе в ладонь несколько монет.

— Не стоит, Ли, — улыбнулась Тая, мягко накрывая руку старушки своей и осторожно отталкивая монеты. — Главное, чтобы вам было тепло.

Тайлира немного погостила и отправилась домой. На улице заметно стемнело: багровый закат давно угас, и небо затянули густые сумерки, окрасившие крыши домов в тёмносиние тона. Тая шла по улицам деревни, и её охватывало всё большее беспокойство. Вокруг не было ни души — ни женщин, стирающих одежду у колодца, ни мужчин, рубящих дрова во дворах, ни детей, кормящих скот. Двери домов были наглухо заперты, ставни закрыты, а из труб почти не шёл.

Даже рутиной многие боялись заниматься при открытом небе, в предчувствии появления Тёмного. Улицы, обычно оживлённые в это время суток, теперь наполняли лишь звуки ночного ветра, шуршащей листвы и стрекочущего кузнечика.

«Все заперлись в домах, — подумала Тая, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Боятся Тёмного».

Она невольно ускорила шаг, оглядываясь по сторонам. Тени от заборов и сараев казались слишком длинными и подвижными, словно пытались дотянуться до неё. Шаги Тайлиры отдавались гулким эхом на пустынной улице, усиливая мрачное настроение и чувство одиночества. Она была единственным человеком, который отважился выйти на улицу после темноты — одна на открытой местности, одна единственная мишень. Ветер подхватил прядь волос, бросил ей в лицо, и Тая вздрогнула, на мгновение представив, что это чьято холодная рука коснулась кожи.

— Тая.

Девушка резко дёрнулась, выронив корзину. Тая повернулась на звук, сердце застучало часточасто, а дыхание перехватило.

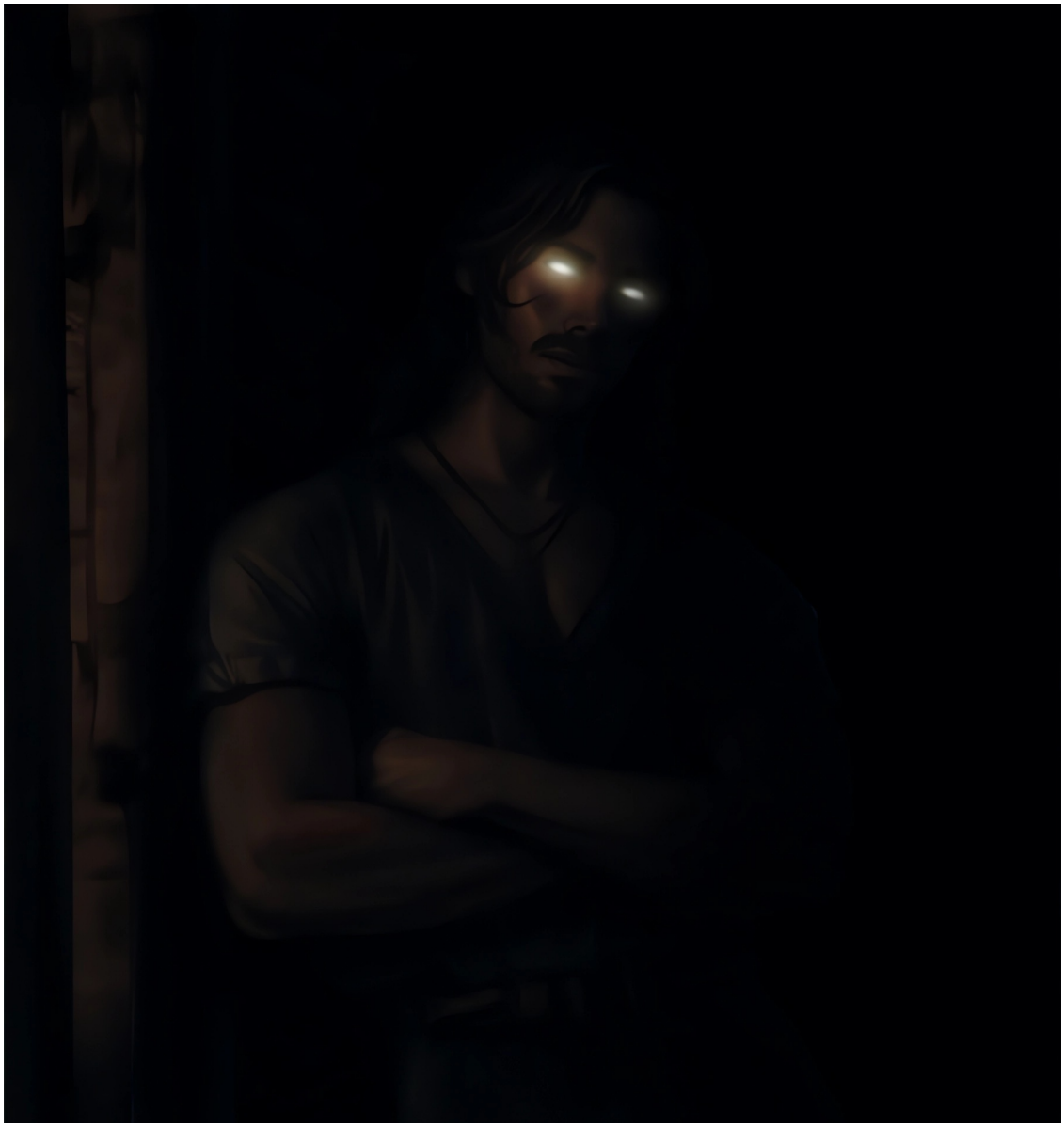
— Не бойся, — в непроглядном пространстве между соседским домом и сараем нависла большая фигура. Силуэт казался почти чёрным на фоне сумерек, лишь глаза чуть поблескивали в темноте. — Я пришёл поговорить.

Это был Тёмный.

Тайлира застыла на месте, разрываясь между желанием побежать и закричать во всё горло.

— Я удивлён, что вы так долго держитесь, — бледное лицо выплыло из густой тени, и показалась самая жуткая его черта — белые глаза без зрачков, словно залитые молоком. Они смотрели прямо на неё, будто видели насквозь, проникая в самые потаённые уголки души.

Высокий мужчина заносчиво скрестил руки и облокотился об стенку дома. Дерево под его плечом чуть скрипнуло, и этот звук резанул слух, нарушив ночную тишину.

— Ваше положение чересчур плачевное, но никто ещё не перегрыз кому-то горло. Видимо, я плохо стараюсь, — будто сам себе изрёк Тёмный и направил свои пустые глаза на Таю.

Девушка долго не могла ничего сказать. Горло сдавило спазмом, слова застревали гдето внутри, а пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, будто искали опору. Она сглотнула, чувствуя, как пересохло во рту, и всё же решила проронить:

— Ты можешь… остановиться? — её голос прозвучал едва слышно, почти шёпотом, дрогнув на последнем слоге.

Мужчина без эмоций ответил:

— Ты знаешь ответ.

Тая лишь медленно, едва заметно помотала головой, не отрывая взгляда от его лица. В глазах застыла отчаянная надежда — она всем существом желала, чтобы он отступил, чтобы это оказался какой-то страшный сон.

— Я ведь должен тебе доказать…

— Не нужно мне ничего доказывать, — оборвала его Тая. — Просто оставь меня в покое. Отставь нас всех в покое.

— Нет, — белые глаза засветились, словно две луны, отбрасывая призрачное сияние на его лицо. — Я должен тебе показать…

— Не нужно! Просто перестань. Прекрати всё это!

— Тогда ты идёшь со мной, — твёрдо отчеканил человек с белыми глазами.

— Я уже говорила тебе…

— Тогда оставайся и смотри до конца, — резко выпалил Тёмный, отстранившись от стены и сделав шаг навстречу. Его тень удлинилась, протянувшись к ногам девушки.

— На что смотреть? Стой на месте! — отшатнулась Тая, инстинктивно выставив руки вперёд, будто пытаясь создать невидимый барьер между собой и Тёмным. Пальцы слегка подрагивали, но она старалась держать их прямыми.

— Как они растерзают тебя, — произнёс он с пугающей невозмутимостью.

— Ты опять?

— Они. Растерзают. Тебя, — голос был холодным и настолько уверенным, что на мгновение разум девушки захотел ему поверить.

— Нет… — Тая накрыла руками уши, зажмурилась, пытаясь отгородиться от этих жутких слов. — Они не причинят мне вреда.

— Причинят. Очень скоро, — шёпотом проговорил Тёмный, и каждое слово падало, как камень, усиливая гнетущее ощущение неизбежности. Но Тайлира лишь скептически спросила:

— И почему?

— Потому что ты, — Тёмный снова приблизился, и его тень накрыла девушку с ног до головы, от чего ту бросило в дрожь. Глаза засветились ярче, словно хотели ослепить, — выпустила зверя на волю, — сказал он и плавно бросил взгляд на противоположный дом.

Тая невольно повернула голову туда же и увидела кого-то в окне. Девушку. Она стояла, застыв на мгновение, а затем резко задёрнула штору. Тая резко повернулась обратно, но перед собой уже никого не обнаружила. Воздух вокруг будто сгустился, стал вязким и тяжёлым, тишина стала почти осязаемой - ни стрекота кузнечиков, ни шороха листьев, только собственное учащённое дыхание да стук сердца, отдающийся в ушах. Пальцы слегка дрожали, а во рту пересохло. Она огляделась по сторонам, вглядываясь в тени между домами, но всё было неподвижно и спокойно.

В эту же ночь щит, на котором Староста оставил своё послание, получил долгожданную надпись. Одно короткое слово: «Дева».

Это не осталось незамеченным. Незамедлительно собрался совет - советники спешно заходили в отдельный зал внутри церкви, где проводились собрания. Внутри царил полумрак: тусклый свет масляных ламп дрожал на стенах, покрытых старинными фресками. Пламя колебалось от каждого сквозняка, заставляя тени плясать на каменных плитах пола. Староста вошёл последним, плотно закрыл дверь и прислонился к ней на мгновение, переводя дыхание.

Он провёл рукой по тёмным волосам, глубоко вздохнул и медленно прошёл к своему месту во главе стола.

— Конечно, у меня была мысль, что требование будет таким… но я не был готов, — произнёс Староста, опускаясь на высокий резной стул. Голос его прозвучал глухо в тяжёлой атмосфере зала. — Эта тварь дала прямой намёк, что ему нужна одна из жительниц нашей деревни. Для чего - пока не понятно, — с отвращением проговорил Староста.

— И кого же ему отдать? — задал заготовленный вопрос Харон.

На него все покосились — кто с осуждением, кто с тревогой, кто с затаённой надеждой. Ожидали ответ Старосты.

— Во-первых, мы никого не отдадим. Это исключено.

— А что тогда делать? — возмутился советник. — Снова бороться? Мы пробовали. Тёмный сообщил, чего хочет, так надо выполнить требование. Ты же сам сказал: «Что он попросит, то и предложим».

— Но не живого же человека?!

— Так, давайте не торопиться. Скоро приедут торговцы, и мы сможем купить еду и припасы, — вмешался один из советников.

— А есть смысл? Тёмный снова всё испортит, — рассуждал Харон. — Если уже не испортил. Все заметили, что торговцев до сих пор нет?

В ответ тишина. Все заметили. И все обеспокоены этим. Но никто не мог найти этому объяснение или решение проблемы.

— Они приедут, — уверенно произнёс Староста, бросив тёмный взгляд на Харона.

— Никто не приедет. Очнись, Староста! — Харон резко встал, нависая над столом. — Мы в тупике. И единственный выход сейчас — это отдать девчонку! — кулак треснул по столу, в знак заключения своего вердикта. Звук эхом разнёсся по комнате, заставив некоторых вздрогнуть.

Староста едва сдержался, чтобы не начать бранить за такую выходку. Презрительный взгляд пронзал Харона до тех пор, пока в разговор не вступил советник Боромир:

— Так давайте отдадим.

Все одарили советника изумлённым взглядом. Даже Харон удивился, что кто-то решил поддержать его. Боромир продолжил:

— Мы уже многое потеряли: урожай, скот и... людей. Как по мне, выбор очевиден. Одна жизнь против множества. Это простая математика.

— Я согласен, — одобрительно произнёс Харон. — Разумно пожертвовать одной, чтобы спасти всех.

— Нет! — звонким голосом, прервал их Староста, и советники замолкли. — Если сделать, как просят, то где гарантии, что всё получится? А если он каждый день будет просить девушек, то что тогда? Останемся только мы всемером?

— Не попробуем, не узнаем. Вариантов других нет, — упрямо твердил Харон, усевшись обратно на стул.

— Варианты есть всегда…

— Староста, сколько бы мы не посылали людей на поимку монстра, всегда получали трупы. Мы и так сводим концы с концами, так нам добавили новых хлопот. Если предложить ему одну из наших девиц, и он отстанет, то я, признаться, буду только рад. Хоть это и звучит чудовищно…

— А если это окажется твоя сестра, то тоже обрадуешься?

— Про мою сестру ни слова! — рявкнул советник, вскакивая на ноги. Его кулаки непроизвольно сжались, а лицо побагровело. — Сейчас не о ней речь. Мы говорим о выживании всей деревни!

— Эмилия одна из нас… — холодно парировал Староста, не отводя взгляда. — Если бы Тёмный попросил её, то ты бы отдал?

В комнате в очередной раз повисло тяжёлое молчание, сопровождающееся почти осязаемым напряжением. Оба сверлили друг друга взглядом, с трудом усмиряя в себе злые порывы. Всем вокруг казалось, что ктото из них вотвот бросится на другого - настолько яростной была эта молчаливая схватка. Если бы это действительно случилось, то всех поразило бы то, как быстро Харон и Староста разобщились. Раньше они всегда сходились во мнении, во многом поддерживали друг друга, вместе принимали решения, от которых зависела судьба поселения. Теперь же между ними пролегла глубокая трещина.

— А может, «дева» - это что-то другое? — скромно предположил другой советник. — На сколько я знаю, «Дева» - это может быть название другой деревни или горы.

— Ты думаешь, он хочет гору? — скептически и с лёгкой насмешкой сказал Харон. — Или, может, деревню? Что ж, отправим ему карту с пометками - пусть выбирает.

Староста натужно потёр свой лоб и заявил:

— Сделаем перерыв… Мне надо всё обдумать. Будут ещё какие-то идеи или мысли наподобие горы, я буду рад выслушать, — отрезал он и удалился из комнаты.

Харон, оставшись в зале, сжимал кулаки, его лицо исказилось злобой. Он чувствовал, что Староста упустил возможность, упустил единственный шанс спасти их деревню. Но слова Старосты о сестре задели его глубоко, напомнив об уязвимости, которую он не хотел признавать. Он знал, что Староста намеренно ударил по самому больному, чтобы закончить спор.

Другие советники, покидая зал, шептались, их голоса полны тревоги. Каждый думал о своей семье, о своих близких. Мысль о том, что кто-то из них может быть "девой", которую требует монстр, пронзала их сердца, как острый нож. Они знали, что Староста прав в своих сомнениях, но отчаяние толкало их к краю бездны.

Тем временем в доме Тайлиры становилось всё прохладнее. Был проливной дождь, воздух был свежим и прохладным, пропитанным запахом мокрой земли и древесной коры. Тая поёжилась, плотнее закуталась в шерстяную накидку и вышла во двор, чтобы взять дров из поленницы под навесом. Хотя разрубленную мебель, когда-то украшавшую домашний интерьер, нельзя было назвать дровами, но огонь хорошо разжигался от этих обломков, даря хоть немного тепла в непростые времена.

Тая сделала несколько шагов к поленнице, но внезапно быстро потеряла интерес к ней. На столбе забора, чуть выше уровня глаз, что-то было… Тая подошла ближе, прищурилась, осторожно обойдя лужу, оставшуюся после дождя. Вблизи стало ясно: это ожерелье. Простое, но необычное - деревянные кольца, грубо вырезанные, чередуются с яркими перьями тропического попугая. Они слегка покачивались от ветерка, словно живые.

«Я видела такое у Солли, — вспомнила Тая. — Но что оно тут делает? Завтра спрошу.»

Она поспешила снять ожерелье, чтобы занести в дом — не оставлять же чужую вещь под открытым небом. Аккуратно подцепила его за край, уже собралась обернуться к двери, но сзади раздался чейто возмущённый крик, резкий и пронзительный, разорвавший вечернюю тишину:

— Отдай! Сейчас же отдай!

Тайлира вздрогнула, резко обернулась, чуть не выронив находку. В нескольких шагах от неё, на тропке между грядками, стояла Солли — матьодиночка, живущая через два дома от неё. Её светлые волосы растрепались, на лице — смесь гнева и тревоги, руки сжаты в кулаки. Тая поспешила ей навстречу сказать:

— Оно вот здесь висело…

— Где висело?! Ты же его умыкнула у меня!

— Что? — уставилась на неё ошеломлённая Тая.

В окнах домов показались лица: ктото прижался к стеклу, ктото приоткрыл ставню. Несколько человек вышли на улицу, натягивая плащи. Вскоре вокруг собрался небольшой народ. Все переглядывались, перешёптывались, гадая, изза чего поднялся переполох.

— Кто-то рылся в моих ящиках и разбросал по улице все мои украшения. И следы привели к тебе! Видимо выронила, когда убегала! — лицо Солли сильно раскраснелись от негодования, что её хотела обокрасть соседка.

— Я не брала ничего! Я вышла и увидела его здесь, — губы дрожали, не находя места, куда вставить слова между сотнями слов всполошившейся соседки.

— Что здесь такое? — подоспела тётя Анабель в тёплом плаще с капюшоном. Она раздвинула толпу, встала рядом с Таей и строго посмотрела на Солли.

— Оно было у тебя в руках! Ты хотела его спрятать! — не унималась Солли, тыча пальцем в сторону Тайлиры.

— Нет, конечно нет! Вот, держите, — Тая протянула ожерелье дрожащими руками. Солли тут же вырвала его, прижала к груди, словно боясь, что его снова отберут.

— Да за эту безделушку, я могла бы столько муки купить. А ты хотела всё себе забрать! — голос Солли сорвался на всхлип.

— Соль, успокойся, — Анабель встала между ними. — Это где же видели, чтобы Тая так поступала? Она не из тех, кто станет красть.

Солли нервно дышала, грудь её вздымалась часто и неровно. Она сжала ожерелье так, что костяшки побелели, и на мгновение опустила взгляд. Соседи совсем не узнавали милую, простодушную Солли. Лицо сморщилось от злости, волосы ощетинились, прилипли к шее, в глазах была агрессия — такая, какой раньше никто не видел. Кто бы мог подумать, что она умеет злиться? До этих самых пор казалось, что кроме вежливого предупреждения или угрюмого молчания добрая Соль не может никак иначе реагировать на чужие проступки.

И больше всего поражал её внешний вид: ушла тридцатилетняя полнота, и осталась обвисшая кожа; талия и конечности стали чересчур тонкими, а скулы — острыми, похожими на впадины. Голод также её не пощадил.

А будет ли вообще пощада, если все ресурсы сгорели, а на носу зима? Удастся ли людям сплотиться и всем вместе искать выход — или они предпочтут кидаться друг на друга, как это сделала Соль с Тайлирой?

*__Харон__ - имя произносится с ударением на букву "А".

Глава 3

Глядя на потерянную, побледневшую девушку, всем вокруг захотелось её защитить - настолько беззащитной и хрупкой она выглядела в этот момент. Тая стояла, ссутулившись, будто пытаясь стать незаметнее, её руки безвольно висели вдоль тела, а пальцы слегка подрагивали.

— Да, мы же все знаем её. Знаем её семью, — раздался чейто голос из толпы, и несколько человек согласно закивали. — Она никогда бы так не сделала.

— Ева, подтверди! — настойчиво выкрикнул ктото, и все взгляды обратились к девушке, стоящей где-то в стороне.

Услышав имя подруги, Тая осмотрелась и заметила её с растерянным лицом. Ева теребила край своего платья, её плечи были напряжённо подняты, мысли разбивались на две части: с одной стороны, Тая никогда не посмела бы обокрасть свою соседку — они дружили, делились секретами, помогали друг другу в беде. С другой - она устала запасы от всех. Поэтому про себя Ева вынесла: «Виновна». А вслух промямлила:

— По-подтверждаю.

Немного успокоившись, женщина по имени Солли спросила:

— А как оно здесь оказалось тогда?

Все взглянули на Таю, словно она могла бы что-то добавить. И снова в эту минуту к ней пришли на помощь. Сквозь толпу просочился Морис и громко, уверенно заявил:

— Да подкинули его, подкинули. Догадайтесь кто, — мужчина средних лет и невысокого роста окинул всех пристальным взглядом. Женщины лишь переглянулись, на что Морис раздражительно фыркнул: — Тёмный, дуры! Тёмный. Он это всё устроил.

Повисла тяжёлая тишина. Все застыли в оцепенении, будто ктото заморозил мгновение. Многие боялись даже самого этого слова — «Тёмный». Оно висело в воздухе, словно тёмная туча, готовая разразиться грозой. По спине пробежал холодок, а ктото непроизвольно перекрестился.

— С чего ты взял? — отважилась спросить Анабель.

— А с того, что мне тоже коечто подбрасывали, — Морис шагнул вперёд, и его голос зазвучал громче. — Вышел както во двор и вижу: шинель чьято валяется, прямо посреди дорожки. Так потом появился сосед и чуть башку мне не снёс, обвиняя, что я её украл.

— А при чём здесь Тёмный? — всё ещё не понимала Анабель.

— А кому ещё это надо? Кому надо нас запугивать, кому надо сжигать наши запасы, кому надо нас убить? – Морис многозначительно оглядывал всех, его взгляд задерживался на каждом лице, словно пытаясь прочесть скрытые мысли. — Прежде чем орать на девчонку, нужно сначала попробовать разобраться. Тёмный хотел вас всех натравить друг на друга, и вы, дуры, повелись.

Морис не до конца понимал с чего всё началось, поэтому решил, что все были против Тайлиры, из-за чего многие женщины оскорбились, ведь они наоборот пытались заступиться.

Выслушав неоспоримые аргументы Мориса, Солли тихо подступила к Тае. Лицо её стало мокрым от слёз, а голос выдавал дрожь.

— Прости меня. Прости, пожалуйста!

Солли упала на колени перед ней, искренне прося милости, её плечи содрогались от беззвучных рыданий.

— Я не сержусь. Встаньте, прошу, — произнесла негромко Тая.

— Ну, теперь, когда я во всём разобрался, — уверенно, почти торжественно провозгласил Морис, — давайте все разойдёмся и впредь будем держать себя в руках. Не попадаться ни на чьи уловки, не выходить из дома после темноты и дожидаться торговцев.

Люди переглянулись, неуверенно закивали и действительно начали расходиться.

Тая вернулась в свой тихий дом, села на скамью и уткнулась лицом в колени. Мысли крутились в голове, как опавшие листья на осеннем ветру: то вспыхивали яркие образы — лицо Солли, искажённое гневом, то всплывали слова Мориса о Тёмном, от которых по спине пробегал холодок. В груди тяжело давило, а в горле стоял ком, мешавший дышать ровно.

Среди тяжёлой тишины, раздался стук в незапертую дверь и, не дождавшись ответа, её приоткрыли. Показалась голова Анабель.

— Можно?

Она тихонько вошла и долго молчала, пытаясь поймать момент для разговора. Тая нехотя подняла голову.

— Ты не обижайся на Солли. Я не знаю, чего она так с тобой, — Анабель подошла ближе. — Ей просто очень тяжело, как и всем нам. Её ребёнку нечего есть, а она никак не может помочь.

Тая устало отвела взгляд в сторону, не в силах чтолибо ответить.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросила Бель.

— Нет, — тихо ответила девушка.

— Как ты себя чувствуешь? Давно не ела?

Тая не отвечала.

— Тебе стало сложно, я понимаю. Особенно после… — женщина остановилась, выбирая подходящие слова, — того, как ты осталась одна.

Тая не отвечала, и женщине казалось, что она вообще её не слушает. Девушка словно замкнулась в себе, отгородившись невидимой стеной.

— Таюша…

Она не реагировала, помрачневшее лицо было отвёрнуто, пустой взгляд устремился в бездну.

"Как же я устала…"

— Если тебе хочется плакать, то плачь, — рука Бель легла на плечо и стала поглаживать твёрдую, напряжённую спину девушки. Тая сдержалась, чтобы не скинуть руку.

«Остались ли у меня слёзы?» — мысленно спросила себя Тайлира и, наконец, посмотрела на тётю Анабель.

— Может, сходишь с нами в церковь? — наклонилась к её уху Анабель, понизив голос почти до шёпота.

Глубоко вздохнув, Тая ответила:

— Я не вижу больше смысла в молитвах.

— Но это всё, что нам остаётся, — грустно улыбнулась Анабель. — Так ты пойдёшь?

— Хорошо.

"Хорошо, может быть я смогу там отдохнуть…»

— Я рада. Может быть, и Староста с новостями придёт. В общем, встретимся там, — мягко произнесла Анабель и направилась к выходу, бросив на прощание ещё один обеспокоенный взгляд.

С её уходом пришло привычное чувство тоски вперемешку с горечью. Оно накрыло Таю, словно тяжёлое шерстяное одеяло, давящее на плечи. В горле пересохло настолько, что даже вода не смогла бы помочь освежиться — казалось, сама атмосфера дома пропиталась усталостью и безысходностью. Голова болела от сотни мыслей, раскалывающих душу, как камень орех: воспоминания о прошлом, страх перед будущим, обида на окружающих и на саму себя.

«Почему это не может закончиться? Почему нельзя всё исправить? — пульсация била в лоб. — Почему Тёмный не может просто исчезнуть?»

— Тёмный? — донёсся голос за спиной Таи, низкий и насмешливый, с едва уловимой хрипотцой. — Ты забыла моё имя?

Девушка вздрогнула и резко вскочила со скамьи, чуть не опрокинув её.

— Я тебя не звала! — её голос дрогнул, но она постаралась придать ему твёрдости.

— Ты никогда меня не зовёшь, — бросил он, стоя в полутени у стены. Его силуэт казался размытым в сумраке комнаты, лишь глаза блестели холодным, немигающим светом. В руке он держал чтото, не сильно сжимая.

— Это действительно ты подбросил мне ту побрякушку?

— Действительно, — ухмыльнулся он, и в этой ухмылке не было ни капли раскаяния, лишь холодная насмешка.

— Какой же ты… ужасный, — тихо произнесла Тая, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Настраивать всех друг против друга - так подло.

— В этом и суть всей игры, — он сделал шаг вперёд, и тень от его фигуры упала на стену, искажая очертания, вытягиваясь и извиваясь, словно живое существо.

— Игры? Для тебя это просто игра? — Тая отступила на шаг, но упёрлась спиной в холодную стену. Её сердце забилось чаще, а дыхание участилось.

— Зачем ты всё отдала ей и не оставила ничего себе? — неожиданно сменил он тему.

Тая не стразу поняла, про что он спросил. Тут же мужчина демонстративно высыпал на стол ягоды из руки — они покатились по гладкой поверхности, остановились небольшими кучками, создавая причудливый узор.

— Ей было нужнее, ведь все голодают… из-за тебя, — тихо ответила Тая, опуская взгляд на сушёные ягоды.

— Неправда, — он слегка наклонил голову, и в полумраке блеснули его глаза. — Думаешь, все голодные изза меня? Потому что я лишил вас брашна? Я лишил вас не всего. У некоторых осталась еда. Много. Но ты единственная, кто решил поделиться, — он говорил спокойно, почти равнодушно, но в глазах читалось чтото ещё — то ли восхищение, то ли презрение, то ли смесь того и другого.

Девушка лишь закатила глаза.

— Я не так много успел взять перед пожаром… Поэтому прибереги, — указательным пальцем стал катать по столу одну ягодку.

«Вор»

— Тебе что-то не нравится?

«Хватит читать мои мысли! — мысленно крикнула Тая, стискивая зубы. — Оставь хотя бы мою голову в покое, пожалуйста!»

— Никогда, — произнёс Тёмный твёрдо, без тени сомнения. Его голос прозвучал как приговор, тяжёлый и неотвратимый. — Я никогда не оставлю тебя в покое. Пока ты не решишь пойти со мной.

— Разве тебе не проще меня забрать, не спрашивая?

— Зачем? Ты сама захочешь уйти.

— Не захочу, — гордо вскинула подбородок Тая, на что мужчина хитро оскалился, обнажая зубы в улыбке, больше похожей на оскал хищника, предвкушающего охоту.

— Посмотрим.

На тот момент они ещё не знали, что оба были правы. И оба ошибались.

*__Морис__ - имя произносится с ударением на букву "И". Как русское имя Борис.

*__Солли, Соль,__ - имя произносится с ударением на букву "О".

Глава 4

Утром Тая проснулась от сжимающегося желудка, отчаянно просившего чего-то съедобного. Поддавшись этому настойчивому зову, Тая встала с кровати, спустилась на первый этаж и, взяв одну сушёную ягоду, проглотила её.

«Мало», — подумала Тая, ощущая, как голод всё ещё терзает её. Она закинула в рот ещё несколько штук, запивая их пятью стаканами воды. — «Думаю, продержусь сегодня», — сказала она себе.

Тайлира запланировала обойти соседей и отдать им подштёпанные, утеплённые вещи. В первую очередь она направилась к Анабель и Евангелине, затем к остальным нуждающимся. После, ей ничего не оставалось, кроме как вернуться домой и сидеть в тишине, в ожидании — неизвестно чего: то ли вестей, то ли перемен, то ли просто наступления вечера.

Она шла по тропе, думая о чём-то своем. Ритмичный шаг помогал упорядочить мысли, но внезапно её взгляд упал в сторону леса. Лес, который угрожающе находился подле деревни, был местом, которого все избегали. Незнающий путник бы озадачился вопросом: «Почему? Что такого было в этом лесу, что заставляло людей обходить его стороной, выбирать длинные окольные пути, лишь бы не приближаться к его границам? Почему даже забор построили вокруг него?»

Этот лес был далеко не простым. Он был окутан непрекращающимся туманом, который стоял как днём, так и ночью, год за годом. Туман клубился у подножия деревьев, стелился по земле, словно живое существо, и поднимался вверх, скрывая кроны. За это лес и прозвали «Туманным». Туман менял цвета в зависимости от времени суток: утром — молочнобелый, днём — сероватоголубой, вечером — зловещекрасный, а ночью казался почти синим. Любой, кто подходил слишком близко к этому туману, терял рассудок. Сначала человек замирал, заворожённый видом колышущейся пелены, затем его взгляд становился пустым, а лицо — безэмоциональным. Словно зачарованный, он шёл вглубь леса, переступая через забор, не слыша криков тех, кто пытался его остановить, и уже никогда не возвращался обратно.

Туман был настолько плотным, что создавал ощущение нереальности: предметы за ним расплывались, звуки искажались и приглушались, а время, казалось, замедлялось. Шаги в нём звучали глухо, будто по вате, а собственное дыхание становилось тяжёлым и прерывистым. Ходили разные легенды о том, как появился этот лес и почему он так действует на людей. Одни говорили, что туман создали ведьмы, чтобы заманивать жертв и варить из них зелья. Другие утверждали, что туман является вратами в мир мертвых, где духи ушедших заманивают живых к себе, чтобы те разделили их вечное одиночество. Третьи – местом блаженств, райским местом, из которого никто не хочет уходить, ибо там настолько хорошо.

Однако сейчас это просто лес. Больше ни тумана, ни зловещих чар. Деревья стоят голые и тихие, без своего прежнего мистического ореола. Земля у забора поросла травой, а некоторые колья покосились от времени. И всё это случилось, благодаря Тайлире. Но никто об этом не знал. А если знали, то унесли с собой в могилу.

Тайлира направилась не домой, а к дому Ли.

— Тётя Ли! — громко позвала Тая и постучала в скрипучую, давно прогнившую и почерневшую от времени дверь.

Сколько бы Тая ни стучалась, ни звала, за дверью и шороха не послышалось.

«Она же всегда дома, — мысленно повторила Тая, чувствуя, как тревога сжимает горло. — Никогда не уходит дальше огорода…»

Завернув за угол, Тайлира нашла широкую щель в деревянной стене — трещину, образовавшуюся от времени и сырости, — и заглянула в неё. Сквозь щель пробивался тусклый луч

света, выхватывая из темноты очертания комнаты. Тёмная комната едва позволила разглядеть кровать с сбившимся покрывалом, а ниже — неподвижное тело старушки, лежащее на полу.

Немедля девушка подбежала к маленькому окну, которое Ли заткнула мешком с сеном от сквозняков. После нескольких попыток, мешок упал внутрь и, тонкое тельце легко протиснулось через оконное отверстие. Потолок был низким, и если обычный человек мог не пригибаться, то Тае с её высоким ростом было слегка некомфортно. Согнув голову, дошла до кровати, склонилась над телом и с облегчением выдохнула.

«Она дышит. Она жива»

Грудь старушки тяжело

поднималась вверх, воздух шумно поступал через открытый рот.

— Ли… — шёпотом позвала Тая, дёргая старушку за плечо.

Она не приходила в себя. Тайлира поняла, что сама не справится, поэтому сбегала за Анабель. Пришлось позвать и Мориса, чтобы выломал дверь, которую, должно быть, заклинило. Ли уложили на кровать, полили холодной водой и, стали дожидаться пробуждения.

Ли считалась весьма богатой старушкой, но жила беднее всех. В прошлые времена, когда, благодаря Тайлире, вся деревня разбогатела, каждый житель сделал себе новый ремонт, обновил мебель и пополнил шкаф роскошной одеждой. Но у Ли всё осталось прежним, поскольку новшества ей были не нужны. Лишь мирный и тихий конец - всё, чего она желала.

Многие решили проведать Ли: и Ева, и Солли, все, живущие поблизости, пришли. Кто-то переживал, кому-то было любопытно, а некоторые имели свои скрытые причины. Стоило Ли очнуться, как все вокруг засуетились и стали окружать заботой.

— Не знала, что вокруг меня соберётся такая толпа. Такое чувство, будто вы все — мои родственники, и хотите, чтобы я вам наследство отписала, — удивлённо глядела Ли на всех.

— Не шутите так, — сказала Анабель.

— Если хотите, можете отдать мне свою дверь в наследство, — Морис указал на бывший дверной проём. — Она вам всё равно больше не нужна.

— Ты новую поставишь, — покосилась на него Бель.

— Где я тебе новую возьму? У меня дров толком нету, а тут ещё дверь вам делай.

— Она же замёрзнет, — произнесла Тая, указывая на старушку. — Сломанную дверь тогда в камин, чтоб тепло было.

— Да меня уже ничто не согреет, деточка, — вздохнула старушка. — Пора мне уже на тот свет.

— Да будет вам. Давайте лучше думать, как вас уберечь от сквозняков и гостей нежданных, — сказала Солли.

Тайлира обратила на неё особое внимание, вспоминая недавний конфликт, из-за ожерелья, которое так хитро подбросил Тёмный. И ещё к большему ужасу, она увидела Эмилию — ту самую соседку, которая застала её вместе с Тёмным. Она тоже обратила на неё свой взгляд, и в нём показалась искра страха и презрения. Тае хотелось куда-то спрятаться, закрыться от всех.

«Как я не заметила её? Боже. Её глаза так и говорят мне: "Предательница" И хуже всего: "Ведьма". Ну почему меня увидела именно она? Почему не кто-то другой? И кому она уже успела рассказать?» — суетливо размышляла Тайлира.

— Нас выручат торговцы, — заявила Анабель.

— Что-то я их не вижу.

— Запаздывают.

— Или их убил Тёмный, — предположила Ева, стоящая в обнимку с Таей.

Все замерли в ступоре. У многих побледнели лица и участилось дыхание.

— Это же он на вас напал?

Ли удивлённо округлила глаза:

— Я не говорила, что это он. И не говорила, что нападали. Или не помню…

— Тёмного давно не было видно… Поговаривают. Что он ушёл.

«Не может этого быть! Я знаю, что это не он. Ли просто потеряла сознание. Но всё же если это был он… Я возненавижу его ещё сильнее»

— Да это от голода. Ева, ты тоже падала. И я, — вставила Бель.

— У меня одного всё нормально? — развёл руками Морис. — Вы себе травы не набрали, что ли?

Все удивлённо на него посмотрели.

— В дальнем лесу есть трава, которую можно сварить и съесть. Вы не знали?

Женщины оглядели его: внешне он действительно не изменился, лишь выпуклый живот уменьшился.

— В дальнем лесу? И ты молчал? — Солли недовольно на него посмотрела.

— Я думал, вы знаете. И не надо так на меня смотреть! Не хватало ещё, чтобы ты и в меня вцепилась.

— Ты ходил туда один? Ты с ума сошёл? А если Тёмный?

— Ну а что мне, с голоду помирать, Бель? Пошёл, по-быстрому собрал.

— Мог бы и для нас собрать! — Солли стала превращаться в того незнакомого всем человека, какой её видели возле дома Таи.

— Не смотри на меня так, сказал!

— Ты думал о себе!

— Да что вы тут опять начали? Соль, родная, хватит, — мягко попросила Анабель.

Солли с трудом задержала дыхание. Многое хотелось высказать Морису, и остальным, если найдётся повод. Но перечить просьбе Анабель она не решилась, и утихла.

— А у вас осталась эта трава? — неожиданно спросила Тайлира. — Можно я её сварю для Ли?

— Нету больше. Если надо - пойди нарви, — раздражённо пробурчал Морис.

— Как

называется? Покажете её?

— Ну конечно, все наберут себе травы, а мне не предложат! — пылко прокричала Соль. Не желая больше оставаться среди "жадных" соседей, женщина тяжёлыми шагами направилась на улицу. И если бы на пути стояла дверь, то она бы непременно ею хлопнула.

— Что же это вы, — приложив руку к сердцу, охнула старушка, — ссоритесь в моём доме.

— Я её верну, — Тая собралась последовать за ней, но объятья Евы не отпускали.

— Куда? Не иди за ней.

— Правда, лучше не стоит. Женщина совсем из ума выжила, — произнёс Морис. — Я теперь понимаю, почему родители назвали её "солью". Такая же горькая и противная.

— Что ей вообще надо? — вспыхнула Ева. — Почему она решила, что мы ей чем-то обязаны?

— Многое о себе стала думать, наверное.

— Заткнитесь! — в голосе Бель послышался гнев. — Не смейте так говорить. Вы даже не представляете, что у неё происходит.

— Мне и не интересно, — низкорослый мужчина отвернулся, решив переключить внимание на другого человека. На Таю, — Завтра с утра покажу тебе траву.

Девушка молча кивнула, заметив недовольный взгляд Анабель, которая открыла рот, чтобы что-то сказать, как неожиданно стала голосить Ли:

— Покиньте мой дом. Спасибо, что пришли, а теперь выйдите.

Соседи немного постояли столбом, потом всё же стали друг за другом выходить.

— Тая, деточка, останься.

Тайлира изумлённо глянула на старушку и вернулась к её кровати.

— Налей мне воды.

Девушка молча взяла кувшин и налила в деревянный стакан воду. Подала старушке, та сделала несколько глотков и протянула стакан обратно.

— Я всё не пойму, зачем вы дверь мою сломали?

«Она сама развалилась, когда Морис её дёрнул. Надеюсь, Ли не сильно будет ругаться»

— Я не поняла, как её открывать. Толкала, толкала…

— Толкать нужно сильнее.

— Но…

«Как же так? Как же... Я настолько ничтожна, что даже дверь не смогла открыть? И из-за меня Ли сейчас в опасности?!»

— Хотя, её иногда может заклинить, — вспомнила старушка.

«Это я виновата. Плохо проверила и решила, что дверь не открывается. У Ли и без того ужасный дом, но теперь будет постоянный сквозняк, и никаким мешком его не заткнёшь. И мало того, дом открыт. Любой сможет зайти: что дикий зверь, что тот же Тёмный»

— Ты чего так помрачнела? Опять себя накручивать вздумала? — недовольно цокнула старушка.

— Простите, — прошептала девушка и опустила свои бледно-голубые глаза вниз.

— Боже, посмотри на себя, — сочувственно взяла девушку за руку, — ты сама не своя. Ослабла. Исхудала, — большим пальцем потирала тонкую кисть Таи, чувствуя каждую косточку. — Знаешь что, не надо мне никакого травяного супа. Лучше приготовь его себе. Молодым это нужнее.

— Но есть надо всём. Я обязательно возьму и для вас.

Старушка вздохнула, от бессилия спорить с ней.

— Ну, спасибо тебе. Не знаю ни одного человека, который бы так же пёкся обо мне.

«Это меньшее, что я могу сделать. Я виновата перед тобой. Перед всеми»

— Но не стоит ходить одной. Проклятый Тёмный ещё здесь.

— Вы уверены, что это он вас… оглушил? — решилась спросить Тайлира.

— Не помню, скорее всего нет. Больно я ему нужна.

«Всё ясно» — девушка расслабленно отлепила свой взгляд от лежащей старушки.

— Тебе лучше никогда не быть одной. Даже дома. Сейчас все живут отдельно, но лучше держаться вместе.

— Мне не страшно.

— Глупая девочка. Даже не знаю, как быть, если с вами что-то случиться. Уже почти всех наших мужчин и юношей Тёмный искоренил, остались теперь женщины. Ладно я, прожила свою жизнь, но вы-то.

— Никто не знает, как всё обернётся…

— Да, к сожалению. Чтож… Прости, что нагрузила тебя. В последнее время, мне больше хочется поболтать напоследок, — неожиданно хихикнула старушка.

Тая хотела улыбнуться ей, но уголки губ не поднимались вверх, как бы она их не заставляла.

— Ну ладно, ступай, — погладила девушку по руке.

Тая встала, подоткнула одеяло старушке, стала шагать на улицу.

— Только дверь не забудь закрыть, — пыталась пошутить Ли.

Глава 5

Когда Тая ступила на улицу, её встретили лучи солнца в оранжевом небе. День пролетел незаметно.

Оказалось, не все соседи разбежались по домам. Преданно оставались ждать Анабель и Ева.

— Наконец-то. Ты домой? — подбежала Евангелина и взяла Таю под руку. — Помнишь, что завтра в церковь?

— Разве не после завтра?

— Ты что, сбилась во времени?

— Наверное. Не знаю, — устало ответила Тая.

— О чём там говорили? — поинтересовалась Анабель.

— Ну, — Тайлира призадумалась, пытаясь отобрать лучшую часть разговора, — тётя Ли советует держаться вместе. Перестать жить по отдельности, для начала.

Анабель хмыкнула.

— Не знала, что она так мудра.

— Пойдёмте домой уже, страшно мне становиться, — торопила всех Ева, волнуясь, что Тёмный уже вышел на охоту.

Шли они молча, еле передвигая ноги. Ева иногда оглядывалась по сторонам. Их лица были бледными, фигуры тоненькими, словно они не люди, а куклы, которых смастерили дети из прутиков и сена – такие же худые и хрупкие. Страшно было представить, как пойдут дела, после прихода зимы. Неизвестно, сулила ли спасение съедобная трава, о которой говорил Морис, но под снегом ей не вырасти. Значит, с этим медлить не стоило.

«Я сделаю всё возможное, чтобы исправить ситуацию. Мне больно видеть в кого превратились мои родные и близкие. Раньше все были большими, сильными и такими счастливыми, а теперь стали слабыми, хрупкими скелетами», — погрузившись в свои мысли, Тая пропустила тот момент, когда Ева сказала «до завтра» и зашла в свой дом.

Осталось Анабель дойти до своего, и Тая могла бы продолжить рассуждения в одиночестве. Хотя, навряд ли она бы вынесла тихие и одинокие улицы, простирающиеся по прямой, где не было ни собак, ни птиц и даже насекомых. Кто знает, может и людей скоро не станет? Именно для этого появился Тёмный. Убить каждого человека, что ходит по земле. Кроме одного.

Тая всё ещё надеялась, что удастся переубедить его, но она не до конца понимала, как это сделать. Он не слушал. Предлагал отправиться с ним туда, куда Тайлира в последнюю очередь хотела идти. Она не могла согласиться, ибо то что он предлагал - было безумием. Таким же безумием, как запугивание и пытка, что он устроил в деревне.

«Что бы сделал мой отец? Мне рассказывали, каким он был идейным человеком, с «золотыми руками». Он много полезного сделал для нашей деревни. Старый и нынешний Староста уважали его и часто обращался за помощью, а отец всегда выручал в трудный момент. Но как бы он выкрутился сейчас?».

— Таюша, — подала знак своего присутствия тётя Анабель. — Тебе не кажется, что ты слишком много на себя берёшь?

Резкий вопрос ошарашил девушку, она непонимающе посмотрела на Бель.

— Ты чего ещё удумала? Тоже мне героиня.

«Мне знаком этот тон. — подумала Тая, слегка напрягшись. — Так всегда мама разговаривала со мной, когда за что-то упрекала».

— Ты куда это намылилась? Одной идти за какой-то зеленью непонятной.

— Я с Морисом.

— С Морисом? Забудь! Всё равно тебя не пущу.

— Почему вы запрещаете мне...

— Потому что я твоей матери обещала! Обещала следить, чтобы ты глупость не сделала.

«Опять все считают мои поступки глупыми. Как всегда не верят в меня и от всего отговаривают, как маленького ребёнка, — голубые глаза заблестели от подступающих слёз. — Каждый раз так обидно».

— Если я не попытаюсь, то что тогда будет? — голос задрожал. — Что тогда делать, что? Смотреть, как все умирают?! — нервы не выдерживали, эмоции брали верх. — Я не хочу сидеть, не хочу ждать, и я точно не собираюсь снова смотреть на это! Почему вы не даёте мне попробовать?

— Этим должна заниматься не ты.

«Кто если не я? Я же не пытаюсь строить из себя героя, просто надоело ждать и надеяться на других»

Выдохнув, девушка искренне улыбнулась.

— Тётя Анабель, я вас люблю, и поэтому не послушаю.

Тайлира отвернулась и устремилась вперёд.

Бель окрикивать её не стала, лишь угрюмо смотрела вслед.

Дойдя до дома и увидев помощников Старосты подле калитки, Тая удивилась. Они что-то обсуждали между собой, поглядывая в бумагу. Очевидно, пришли к ней.

— Добрый вечер, — первая заговорила девушка, вытерев остатки слёз.

— Вы, барышня, хозяйка

жилища?

Все прекрасно знали, где проживала семья Смит, благодаря известности отца Таи. Но помощник спросил это, дабы убедиться, что не ошибся адресом.

— Тайлира Смит, всё верно? — спросил другой.

— Да.

— Приказ от Старосты: мы должны осмотреть ваш дом.

Тая впустила их внутрь, где молодые люди тут же принялись заглядывать во всевозможные углы, закрома, ящики, шкафы, проверяли даже кастрюли и горшки. Но куда бы они не заглянули, везде было пусто.

— Позвольте спросить, а что вы ищите?

— Не велено отвечать. Завтра, всё завтра скажут.

«Может, мне стоит им рассказать про траву? Они передадут эту информацию Старосте, и мы вместе отправимся за ней. Пожалуй, да, так будет лучше»

— Я бы хотела...

— Без вопросов! Подождите до завтра.

Проверку быстро завершили, оставив после себя небольшой бардак.

— У вас всё чисто. Доброй ночи, — сообщил мужчина и жестами велел помощникам выходить.

Девушка осталась одна.

«И что это было? Чего хотели найти? Драгоценности? Деньги? Разве их кто-то прячет в кастрюлях? И почему пришли именно ко мне, да ещё в такое позднее время?»

К мыслям присоединилось головокружение, в глазах помутнело на мгновение, но тут же всё пришло в норму.

«Мне недалеко до обморока»

Тая пыталась пройти по ступенькам на второй этаж до своей кровати, но каждых шаг давался с таким трудом, что проще было бы десять вёдер воды натаскать.

«И зачем мы с мамой решили строить этот второй этаж? — на шестой ступеньке Тая остановилась. — Посплю внизу».

Возле камина осталась пара дровишек, которые смогли бы на какое-то время обогреть первый этаж, и дать Тайлире поспать в тепле. Растопив камин, она прилегла на деревянный пол, подложив под голову свёрнутую тряпку. Тут же провалилась в сон.

Когда солнце встало, раздался звон колоколов. Тая проснулась и с ужасом подскочила к окну. Колокола никогда не звонили просто так.

«На нас напали? Тёмный? Бандиты? Волки? Погодите... Созывают в церковь. Всё хорошо» — выдохнула Тайлира.

Церковные колокола должны звонить в полдень, а не раннем утром, пусть даже половина людей давно проснулась.

«Видимо, что-то серьезное»

Глава 6

Путь до церкви был непродолжительным, но полным ожидания и тревоги. Чем ближе Тая подходила, тем больше оглушал звон колоколов, раскатываясь по округе. Впереди шла Ева со своей мамой, не обращая внимания ни на кого, кроме неё. Анабель была с каким-то дедушкой, поддерживая того за руку. Солли шла чуть ли не в самом конце с одиннадцатилетним сыном - худым, как тростинка, и бледным, как тающий снег весной. Другие никого не замечали, словно были в бреду. Морис держался в стороне от толпы — дабы не пришлось кому-то помогать.

Территория церкви представляла собой не только священный храм для молитв и упокоения душ погибших, иногда там проводили и свадьбы, и народные праздники, а также суды и наказания. Сегодня церковь понадобилась для общего сбора, где Староста должен объявить важные новости.

Все потихоньку заходили внутрь. Возле входа стоял Харон, по другую сторону его сестра. Оба следили за пришедшими и помогали им, если требовалось. Младшая сестра не выглядела сильно истощенной, что касалось Харона, он заметно исхудал.

Осталось зайти внутрь Тайлире, как самой последней, и можно было бы начинать собрание. Неподалёку от террасы она остановилась перевести дух и невзначай посмотрела наверх. Перед ней возвышалось деревянное здание с высокой крышей, где на самой верхушке красовался величественный купол с крестом. Терраса имела ступеньки и забор, с изящно вырезанными узорами, покрытыми золотой краской, и столбами, поддерживающими крышу. Церковные стены хоть и отсвечивали цветом золота в некоторых местах, это было лишь подражанием драгоценного металла. Когда-то вся деревня собирала деньги, чтобы приобрести у торговца редкую краску, похожую на плавленое золото. В целях экономии, краску пустили только на внутреннею часть помещения, а внешнюю сделали из того, что осталось. Благодаря совместным усилиям, церковь стала выглядеть куда богаче, пусть и не было в ней никакого богатства.

«Вся деревня приложила руку к постройке этой церкви, в том числе и мой отец. Он вырезал узоры на столбах и заборе, починил крышу, после сильного шторма, а также соорудил внутренний алтарь. Помню как батюшка благодарил моего папу за этот алтарь, перед которым и посей день молятся. Слушая разговоры о нём, иногда задумываюсь: а что сделала я?»

Засмотревшись на здание, Тайлира уже забыла, что ей нужно куда-то идти. Харон тот час подскочил к ней помочь, решив, что она обессилела.

— Я сама, спасибо, — устремив взгляд ко входу, сделала шаг и резко остановилась, разглядев, кто стоял у входа. Встречать жителей Харону помогала не кто иная, как Эмилия. Она тоже застыла, когда заметила Таю.

— Давайте всё-таки помогу, барышня, — Харон взял девушку под руку и повёл ко входу. — Медлить нельзя.

Приближение Таи, заставило Эмилию отскочить от двери, словно на неё надвигалось что-то опасное.

«Она... боится меня?»

Не обмолвившись с ней словом, Тая зашла внутрь и присоединилась к остальным.

Пришли все. Разве что не было Ли по понятным причинам. Все были вялыми. Тяжело им приходился путь до церкви. Староста распорядился, что бы совсем ослабшим поставили стулья, остальным, по особым правилам этой церкви, пришлось стоять.

Церковь была большой, способной вместить до двух тысяч человек. Поскольку поселение уменьшилось на половину, в церкви стало намного просторнее и люди больше не дышали друг другу в спину. Счастливчики уже успели встать поближе к платформе, по которой будет ходить Староста и произносить речь. Тая, с её внушительным ростом, всегда становилась в самом конце.

Харон с Эмилией вошли внутрь, подошли к алтарю и перекрестились. Дальше Харон направился по делам, Эмилия затерялась в толпе.

Вышел Староста, люди перестали шушукаться и замерли в ожидании.

— Уважаемые мои! — звонкий голос пронёсся по всем уголкам церкви, так что его мог услышать даже глухой старец. — Буду говорить коротко и прямо. За последние четыре недели, мы лишились практически всего: зерна, скота, близких... и надежды. Это пережить непросто. Мне больно смотреть на то, как вы страдаете. Ещё больнее узнавать, что некоторые из нас ведут себя, словно жадные волки.

Последняя фраза заставила всех

встрепенуться, и в воздухе моментально повисла накалённая атмосфера. Помощники Старосты по очереди стали приводить и ставить на колени семерых человек: двоих юнцов, троих женщин и двоих стариков. Недоумение зародились в рядах зрителей. Похолодевшие взгляды собрались на жертвах: за что они были призваны к ответу?

— Мы все равны! И я смею напомнить вам слова моего прапрадеда — Великого Амира: "Если у тебя много добра — отдай часть тем, у кого ничего нет". Не забыли его слова?!

— Нет, Староста! — хором прокричала толпа.

— Справедливы его слова?!

— Да, Староста!

— Справедливы! Тогда почему я вижу семерых предателей? — указал он на осуждённых. — Они укрывали в своих домах репчатый лук, муку и пшено, довольствовались ими, пока остальные питались воздухом. Каждый из нас знает, что в нашей деревне мы должны заботиться друг о друге, особенно в тяжёлые времена. А они предали не только наше доверие, но и наши жизни!

Слова Старосты пробрались в самые глубины сердец слушателей. Некоторые в толпе начали перешёптываться, выражая то сомнения, то негодование, то смирение.

— Староста! — выкрикнул кто-то из толпы, подняв руку, чтобы его заметили. Голос был женским. — Я знаю ещё одного предателя!

«Солли» — поняла Тайлира и, благодаря своему росту, быстро нашла её в толпе.

— Это Морис Борн! Владелец таверны!

«Морис? Почему он?»

— Он знал то, чего не знали мы, и не поделился с нами!

Не до конца поняв, о чём шла речь, Староста произнёс:

— Выйди к нам. Морис Борн - тоже!

— Ты спятила, женщина? — прошипел Морис, поднимаясь на платформу.

Увидев Старосту лицом к лицу, Морис стал мрачнее. Перед ним появилась главная задача - не присоединиться к семерым предателям на коленях.

— Что вам известно?

Солли встала правее от Мориса, держа безопасную дистанцию.

— У него есть, какая-то съедобная трава!

— Это так? — обратился к Морису Староста и нахмурился, когда получил положительный кивок. — Почему не сказали?

— Я сказал! Все, кто там был, подтвердят, что я сказал. И где она находится, тоже сказал!

— Увести их на отдельный допрос! — немного подумав, скомандовал Староста.

Помощники сию минуту увели Солли и Мориса в другие комнаты, Староста тоже удалился, оставив Харона за главного.

— Может, ещё кто-то хочет о чём-то сообщить? — обратился он к толпе.

Таю моментально пробрала дрожь.

«Эмилия... Решится ли она рассказать про меня?»

Но из толпы так никто голоса не подал.

— Все семеро приговорены к столбу на пять часов!

Виновных увели, а Харон снова предупредил собравшихся, что если они что-то упрятали, то стоит немедленно признаться, иначе их постигнет та же участь. Снова никто не отозвался. Вскоре вернулся Староста, вместе с Морисом и несколькими советниками. Харон отошёл в сторону.

— Мои уважаемые, рад вам сообщить хорошие новости. Всё добро, что спрятали предатели, будет поделено между нами.

— И вправду хорошая новость, — шептались люди.

— Но этого, как мы все понимаем, недостаточно! — продолжил Староста с более твёрдым голосом. — Нам нужно взять дело в свои руки. Морис обладает ценными знаниями о растениях, и он сообщил мне, что в Дальнем лесу растёт некий «Первоцвет» - съедобное растение, которое можно приготовить. Завтра Морис отправится его собирать, но без помощи он не справится. Нам нужны добровольцы, — произнёс Староста, обращая внимание на собравшихся. — Желающие, поднимите руки!

«Конечно же я пойду, — подумала Тайлира, её сердце забилось быстрее. — Я должна участвовать. Это мой шанс. К тому же Анабель теперь точно не станет препятствовать, ведь отныне это поручение от самого Старосты».

— Я! — воскликнула Тая, поднимая руку так высоко, как могла. Люди, стоящие впереди, обернулись на неё и подарили свои улыбки.

"Ну кто бы сомневался, что Таюша вызовется", — проскочила у кого-то мысль.

— Ещё? — спросил Староста, кидая взор на остальных.

В толпе начались обмены взглядами. Каждый словно говорил другому: «Ты пойди", "Нет, ты пойди». Нерешительность людей смутила Старосту и его советников.

— Так дела не делаются, уважаемые! Если вы хотите есть, то должны быть готовы и добывать еду! — продолжил Староста с настойчивостью.

— Я понимаю, вы привыкли к роскошной жизни, которая была у вас недавно, но мы должны объединиться и действовать сообща. Каждое усилие важно!

С горем пополам, вызвалось ещё три человека.

— Отлично, столько рук нам хватит для начала. Но помните, что вы не всегда сможете оставаться в стороне. Мы все голодны и все истощены. Не нужно делать себя несчастнее и беспомощнее других.

*Тайлира, Тая, Таюша - имя одной из главных героев.*Морис - имя произносится с ударением на букву "И". Как русское имя Борис.*Харон - имя произносится с ударением на букву "А".

Глава 7

Староста озвучил добровольцам, во сколько завтра явиться к нему в штаб, и хотел уже со всеми попрощаться, как из толпы поднялась чья-то рука.

— Староста! Я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Сегодня ночью вы проводили досмотр. Ночью... Значит, Тёмный ушёл? Можно больше не бояться? — изрекла женщина.

Строста замер в раздумьях. Точного ответа он не знал, но обнадеживать или разочаровывать народ не хотел. Взвешивая каждое слово, он стремился уйти от прямого ответа:

— На свой страх и риск мы провели осмотр домов в тёмное время суток и успешно нашли излишки. Опасности никакой не было, — Староста оглядел жителей и прочитал по их лицам, что это не тот ответ, которого они ждали.

Глубоко вздохнув, вымолвил:

— Тёмного давно не было, это так. Но ушёл ли он навсегда - мы не знаем.

В воздухе повисло молчание, прежде чем кто-то из толпы снова заговорил:

— А он сообщил, чего хочет?

Староста снова задумался, на этот раз дольше обычного. В деревне остались практически одни женщины и старики, и в них он видел отражение своего страха. Стоит ли говорить им о том, что Тёмный требует жертву? Нужно ли быть честным со своими подопечными, чтобы подготовить их к защите, или лучше скрыть правду, чтобы не поднимать панику? Он чувствовал, как холодело сердце от этих размышлений. Не известно, как отреагируют люди на правду. Одно неверное слово, одна ошибка могли привести к хаусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.